Несчастья добродетели: Жюстина и Катерина («Жюстина» маркиза де Сада и «Воскресение» Л. Н. Толстого)

Алташина Вероника Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия

The Misfortunes of Virtue: Justine and Katusha (Marquis de Sade's Justine and Leo Tolstoy's Resurrection)

Altashina Veronika

Saint Petersburg State University (SPSU), St.Petersburg, Russia

Аннотация

В докладе рассматривается Жюстина маркиза де Сада как один из возможных прототипов Катерины Масловой, героини позднего романа Л.Толстого "Воскресение". Сопоставление проводится по нескольким направлениям: 1) название романа 2) имя и судьба героини 3) жанр 4) философская проблематика 5) зачин и финал 6) построение сюжета 7) образ дороги 8) трансгрессия. Сопоставительный анализ основывается не только на непосредственном влиянии, но учитывает также теорию встречных литературных течений.

Abstract

The report examines Marquis de Sade's Justine as a possible prototype of

Katerina Maslova, the heroine of Tolstoy's late novel 'Resurrection'. The comparison is carried out in several ways: 1) the name of the novel 2) the name and the fate of the heroine of 3) genre 4) philosophical problems 5) the beginning and the denouement 6) building plot 7) the image of the road 8) the transgression. The comparative analysis is based not only on the direct impact, but also takes into account the cross cultural borrowing theory.

Ключевые слова: маркиз де Сад, Л.Н. Толстой, несчастья добродетели, трансгрессия, философский роман.

Keywords: Marquis de Sade, Tolstoy Leo, the Misfortunes of Virtue, the transgression, the philosophical novel.

1. Сходство романов маркиза де Сада и Л.Толстого проявляется в названиях и именах главных героинь, имеющих сходную судьбу: выброшенные из привычного окружения, они оказываются жертвами насилия и унижения, попадают в тюрьму по ложному обвинению в убийстве и воровстве.

2. Обратимся к названиям. «Жюстина, или Несчастья добродетели»¹ (1791) – «Воскресение». Двухчастные названия французских романов традиционны для эпохи Просвещения – имя героя и основная проблема, Толстой же акцентирует процесс внутренней эволюции обоих героев – кстати, до сих ведутся споры о том, кого считать главным героем романа.

3. Любопытную переключку можно обнаружить между именами персонажей: Жюстина – от лат. Justus – справедливый, честный, правильный. Екатерина (Катюша Маслова)² – от др.-греч. Αικατερίνη («Хайкатерине») чистая, непорочная. Обе героини пройдя через унижения, насилие, будучи обвиненными в тяжких преступлениях сохраняют свою внутреннюю чистоту.

4. Именно такие герои подходят для того, чтобы показать и доказать порочность социума и мира в целом. «Развенчивая ложный мир, Л.Н.Толстой избирает внешнюю по отношению к нему точку зрения чужака, профана, ребенка, благодаря чему возникает эффектостранения»³.

¹ Этот роман был неоднократно переиздан - 1792, 1794, 1797, 1800, 1801 гг.

² Кстати, исследователи до сих пор спорят, кого считать главным героем «Воскресения» Толстого.

³ Журина О.В. Роман «Воскресение» в контексте творчества позднего

Эту модель писатель нашел у французских просветителей, которые помещают наивного героя в новый для него социум, вскрывая противоестественность последнего, как это делает и маркиз де Сад.

5. Нарисательные части названий тоже сопоставимы – «несчастья добродетели», «воскресение». В обоих случаях идет речь о соотношении доброго и злого начал. Названия заявляют философскую идею, которая подвергается испытанию на примере главного героя – такова сюжетная линия обоих произведений, названия которых дополняют друг друга: в обоих романах изображаются несчастья добродетели и дается надежда на воскресение.

6. Жанр философского романа, типичный для французской литературы XVIII века, оказывается новаторским для русской литературы конца XIX века.

7. Философская проблема - соотношение добра и зла - заявлена в зачине обоих романов, финалы которых вызвали нарекания в нереалистичности, однако это не только является характерным для философского романа, но и вытекает из трансгрессивного перехода, совершенного героинями.

8. Жюстина и Катюша, каждая посвоему, выходят из своего мира, переходят через границы возможного, совершая трансгрессию, изначально связанную с творчеством маркиза де Сада. В свете этого, концовки произведений, натянутые и нелогичные, оказываются не только оправданными, но и единственно возможными - герои приходят к Абсолюту: Жюстина - к Вечности,

Катюша – к Благу. Отвергая однозначную причинно-следственную связь между этапами развития системы, акт трансгрессивного перехода является аналогом бифуркационного ветвления, при котором «выбор» системой траектории во многом зависит от того, каким именно путем она попадает в точку бифуркации: «поведение систем зависит от их предыстории»⁴. При этом особую важность приобретает путь познания зла героями, который приводит писателей к единственно верному финалу.

9. В поздних произведениях Л.Н.Толстого доминирует динамическая модель (по Ю.М.Лотману), связанная с путем, дорогой, ибо писателя интересует не столько само, заведомо порочное мироустройство, сколько возможность его преодоления, при котором мотив пути оказывается самым продуктивным: перемещение в пространстве означает духовные искания, движение к истине.

10. Можно отметить ряд совпадений в сюжетостроении: оба романа начинаются с постановки общей проблемы и философских рассуждений. Оба писателя готовят читателя к появлению главной героини, изобразив ситуацию – губернскую тюрьму, из которой Маслову должны доставить в суд⁵, или дилижанс, перевозящий под конвоем Жюстину. Обе героини – опасные преступницы, которых перевозят отдельно, а потому они вызывают особый интерес окружающих. «Крик

удивления и жалости вырвался из уст госпожи де Лорзанж»⁶, когда она узнала в юной преступнице свою сестру. «Да не может быть», – думал Нехлюдов, «не спуская глаз с лица подсудимой»⁷: так в самом начале романа изображена сцена узнавания. Обеих девушек обвиняют в произошедших в гостинице воровстве и отравлении, которых они не совершали. Узнав об осуждении Жюстины, де Корвиль, супруг сестры, замечает, что вероятно, имеет место одна из «тех судебных ошибок, которыми так часто грешат»⁸ трибуналы, он принимает участие в этом деле и благодаря его усилиям Жюстину оправдывают. Та же судебная ошибка присяжных приводит Катерину на каторгу, но в итоге, благодаря хлопотам Нехлюдова, ее милуют. Предыстории Жюстины и Катюши тоже имеют много общего.

11. Концентрический сюжет произведений позволяет писателям стянуть события в один узел, исследовать одну конфликтную ситуацию – столкновение добра и зла, реализованное как столкновение героя и мира.

12. Перипетии судьбы Катюши являются по сути отражением злоключений Жюстины. Они оказываются тем пробным камнем, благодаря которому становится очевидным зло людей и несправедливость общественного устройства, что и определяет новаторскую черту, выделяемую исследователями в романе Толстого: разница между героями определяется степенью их причастности к злу. Оба

⁴Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.:УРСС, 2003. С. 148

⁵Толстой Л.Н. Воскресение. // Собрание сочинений: В 14 т. Москва: Гос. Изд-то художественной литературы, 1953.Т.13.С.6

⁶Sade D.A.F. Justine ou Les Malheurs de la vertu. Paris : Livre de poche classique , 1973.Р. 74

⁷Толстой Л.Н. Воскресение. С.34

⁸Толстой Л.Н. Воскресение. Р.41

писателя помещают невинную героиню в чуждый для нее социум, показывая таким образом его порочность и противоестественность. Тема неадекватности герою его судьбы и его положения (М.Бахтин) является одной из главных в обоих романах.

13. В основе композиции обоих романов лежит принцип контраста. Природа человека представлена в ее двойственности, а окружающая реальность воссоздана в присущих ей противоречиях.

14. Мысль Сада о том, что несчастья преследуют добродетель, а благоденствие почти всегда сопутствует пороку, может быть отнесена и к роману Л.Толстого, слова которого о торжестве страшного зла и о невозможности его победить в финале романа соответствуют мировидению французского писателя. Эти идеи доказываются на примере судьбы героини.

15. Несмотря на небольшой объем, оба произведения имеют эпический характер, проводя смотр всего человеческого общежития, что оказывается возможным благодаря мотиву дороги.

16. Сопоставляя романы Сада и Л.Н.Толстого нельзя не учитывать теорию самозарождения встречных литературных течений А.Н.Веселовского, согласно которой сходство и повторяемостьсюжетных схем, мотивов и образов-символов объясняются не только как результат влияния, но и как следствие единства психических процессов, нашедших в них выражение.

воплощение. АКД, СПб: СПбГУ, 2003. С.22

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.:УРСС, 2003. С. 148

Толстой Л.Н. Воскресение. // Собрание сочинений: В 14 т. Москва: Гос. изд-во художественной литературы, 1953.Т.13.С.6

Sade D.A.F. Justine ou Les Malheurs de la vertu. Paris : Livre de poche classique , 1973. P. 74.

Библиография:

Журина О.В. Роман «Воскресение» в контексте творчества позднего Л.Н.Толстого: модель мира и ее